

9 **Кружозор** 69

Матей ШОПКИН

Армения

Снажите, это правда, что
я был? Что не приснилось это
в Армении мне?
Наверно, в странном, сказочном
видении над бездною прошел по крутизне...

Наверно, просто я, сравнив
ее вершины, скалы, облака
с Балканами, звенящие
кривыми ятаганами, на пальцах
пересчитывал века?

Наверно, под сиянием мироздания
я песней был, летящей от земли.
Но семь столетий рабства
и страдания когда б веселой
песней быть могли?

Нет, не во сне со мной была
Армения! Вино в кувшинах,
Руки горячи. Был вечер...
Тишина... Стихотворения...
И музыка, звучащая в ночи.

Все было сказной. Так бежали
весело по мокрому небесному холсту
большие звезды — словно бы
созвездьями Сарьян украсил
ночи темноту.

Перевод с болгарского
Олега Дмитриева

Андрей GERMANOV

Утренний поезд

Я люблю эти утренние поезда,
эти искры, этот ошеломляющий
звон, семафоров
алые мани всегда в синем сумраке —
словно сон! Это все — реальное
продолжение того пестрого сна
из темноты, это все — стремительное
движение, предчувствие
красоты! И гремят мосты,
и мелькают

линии. Огоньки папирс дружны,
как люди.

Весь вагон залит светом синим,
синим цветом спецовок —
цветом наших буден! Среди
синего дыма, над синими
блузами, как в морской
глубине при свете дня,
бледнеют лампы — тусклые
медузы,

желтые капельки огня.
Созвездья вонзалов мелькают,
и выходят синеблузные
братья мои, и газеты
утренние понупают,
газеты, в которых
предчувствия, судьбы и дни!

Река

Я родился во мхах,
между двух белых скал.
Я кормился снегами.
Я был ручейком,
я отражал вершины леса,
ничего не зная о его корнях.
Беззаботное время.

Я встречался с другими ручьями,
и прозрачные вены мои набухали.
Молодая моя неразумная сила
шумно, весело, лихо
ворочала камни, катила пни!
Я прорывал плотины и стремился
вперед,

потому что бегущий с вершины
остановиться не может.
Все мои возрасты были разнолики —
я рос.

Все мои возрасты были
прекрасны — ни один из них
не изменял себе. Сейчас по моей
спокойной матовой спине

плывут корабли, как облака,
и облака, как корабли. Меня
наполняет небо. Моя
оранжевая кровь дает жизнь полям.
Мое имя с другими не спутаешь.
Чувствую соленое дыхание,
слышу могучий рев моря.
Вся моя жизнь — дорога к нему!
Миг нашей встречи будет
мигом моей гибели. Я
исчезну. Но морю — существовать.

Переводы с болгарского
Петра Вегина

«...Синеблузные братья мои...». Рисунок Марии Недковой (Болгария).

На высоком берегу Иртыша стоит эта старинная казачья станица. Крепкие бревенчатые избы, плетни, туго скрученные из гибких прутьев ракушечники.

Шумно вечерами за околицей. Парни играют в городки. Словно ласточки, с веселым гомоном носятся дети. Седые бородатые старики сидят у ворот, посапывают трубками, о делах совхозных судачат. Прежнее житье-бытье вспоминают. И старых друзей.

Здесь, в Урлютюбе, я и узнал волнующую историю. Узнал случайно. Иду с провожатым по селу. А он как бы невзначай говорит:

— Знаешь, кто заложил этот сад? Путинцев Илья Данилович. Тот самый, который к Ленину ходил...

Мне кажется, любого, кто узнал бы об этом вот так неожиданно, охватило бы волнение.

Но Путинцева давно уже нет. Он умер в 1928 году, восьмидесяти трех лет. Умер и сын его, который жил здесь. Меня познакомили с его женой Евдокией Дмитриевной Путинцевой и двумя ее дочерьми, они работают в совхозе доярками. Но Евдокия Дмитриевна, по ее же словам, мало что помнит, а дочери, Аня и Валя, и вовсе не видели деда. Я уже совсем было отчаялся, но Аня сказала:

— Если уж вам так хочется узнать все, съездите к тете Поле, дочери Ильи Даниловича. Только вот ехать далеко... в Омскую область. В Атмасе она живет.

И вот я в селе Атмас. Несмотря на поздний час, Пелагея Ильинична радушно встретила меня. Слушаю ее рассказ.

— Весной 1920 года Илья Данилович возвращался из Омска. Причалил пароход к пристани, а мы с Танисей, сестрой моей, встречать прибегли. Вижу, машет отец с палубы: принеси, мол, из дому хлеба свежего... Оказывается, познакомился в дороге с одним хорошим человеком. На Калинина похож, борода такая же — клинышком. Отец сказал, что это бывший омский рабочий, предсе-

В ЗВУКОВУЮ КНИГУ О
В. И. ЛЕНИНЕ

ПАМЯТЬ— ЦВЕТУЩИЙ САД

датель Сибирского совнархоза — Александр Васильевич Шотман. Разговорились они о том, о сем. А отец возьми да и скажи: «Какой

он хоть есть, Ленин-то наш? Хоть бы глазом глянуть на него. Всю бы правду рассказал — о себе, о делах станичных». А Шотман отвечает, что ничего, мол, трудного в этом нет и что, если он, Илья Данилович, хочет, может поехать через полмесяца с ним в Москву.

Думали, пошутил председатель, а он и впрямь на обратном пути из Семипалатинска заезжает и отца прихватывает. Собрали наспех его в дорогу — сальца да сухариков — и на пристань.

Не помню вот, сколько мы ждали отца. Только когда он приехал из Москвы, чуть ли не вся станица сбегалась к нам. Кто верил, а кто не верил, что Илья Данилович в Кремле был, с самим Лениным беседовал. А он показывает бумажку с подписью Ильичевой. Тут-то уж все, конечно дело, поверили...

В одном из сборников воспоминаний опубликован рассказ Шот-

мана о том, как старый иртышский казак Путинцев беседовал с Владимиром Ильичем:

«Когда я ввел Путинцева в кабинет, В. И. Ленин встал из-за стола, подошел к растерявшемуся старику и, взяв его обеими руками за руку, сказал:

— Здравствуйте, Илья Данилович.

От неожиданности Илья Данилович совсем растерялся и от волнения едва произнес:

— Любезный деятель, поклон из Сибири.

Усадив старика против себя на стул у окна, Ленин стал подробно расспрашивать его о жизни сибирских казаков.

Илья Данилович отвечал на все вопросы обстоятельно, указывая без стеснения на недостатки советского механизма, за хорошие декреты хвалил без лести. Владимиру Ильичу т. Путинцев, видимо, очень понравился, говорил с ним, как со старым знакомым, вспоминал о своей жизни в Сибири».

Потом Илья Данилович попросил разрешения поставить Ленину памятник в Урлютюбе, Ленин с улыбой отказался. Тогда Путинцев сказал, что устроит в станице сад для детей и назовет сад его именем.

— Ну, это дело другое,— одобрил Владимир Ильич. На прощание обнял и крепко поцеловал старика.

А поздней осенью собрались станичники на первый в этих краях коммунистический субботник. И руководил им Илья Данилович. Люди принесли с собой лопаты и топоры, жерди и доски. Одни делали ограду, другие выкапывали тополя и кусты ракушечника в пойме Иртыша, третьи отвозили их в центр станицы, сажали на площади...

Цветет, хорошеет сад, посаженный крестьянами в честь Владимира Ильича. Хранится в памяти народной рассказ о том, как Илья Данилович побывал у Ленина.

Владимир БАРАЕВ

Урлютюб — Атмас

В отдел реставрации Московского дома звукозаписи принесли необычайно тяжелую пластинку. Круглая гербовая наклейка грозно предупреждала: «Всякое воспроизведение воспрещается законом от 20 марта 1911 года. Единственный продажа у Роберта Кнеца, Москва, Мясницкая, 5».

В те годы одна из иностранных фирм записала в исполнении певца Митрофана Пятницкого народную песню «Соловей, соловушка», услышанную им в Воронежской губернии.

Ездил по деревням российский человек Митрофан Пятницкий, одержимый одной лишь мечтой — собирать народные песни, показывать всем их своеобразную красоту.

Уж вы, ветры, ветерочки,
Вы не дуйте, не бушуйте,
Сине море не колышьте.

Он записывал старинные обряды, причитания, хороводы. Из крестьянских певцов в 1910 году

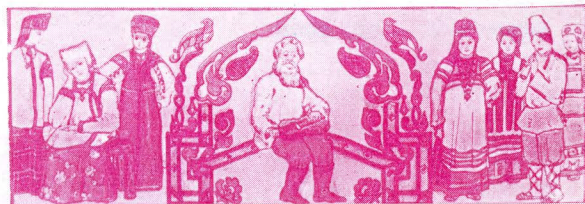

Пятницкий рассказал Ленину о своей заветной мечте создать русский народный хор, о многолетней работе с крестьянскими певцами из разных губерний России. Ленин говорил, что главное сейчас — это суметь сохранить все собранное им, просил Пятницкого продолжать собирать, несмотря на временные невзгоды, обещал необходимую помощь.

Пятницкий подарил Владимиру Ильичу фотографию крестьянского хора. Вскоре вышло постановление ВЦИК об ассигновании средств на содержание певческого коллектива.

Так с маленького крестьянского хора началась история ныне известного во всем мире Русского народного хора имени Пятницкого.

М. Пятницкий записывает песни на фонограф в селе Усмань. 1910 г.
Хор имени Пятницкого. 1968 г.

Митрофан Пятницкий: Предисловие к Хору

М. ДОБРОСЛАВСКИЙ

3

создал маленький хор и на свой счет привез его в Москву. Но поддержать Пятницкого никто из состоятельных людей не захотел.

...Сентябрь 1918 года. Крестьянский хор Пятницкого приглашен в Кремль выступить перед красноармейцами. Зал гудел молодыми голосами, за кулисами переодевались певцы. Вдруг пронеслось: «Ленин!» Это известие было встречено с особой радостью: ведь прошло всего несколько недель с того дня, как на Ленина было совершено покушение. Одетые в кофеворотки и цветастые платья, на сцене появились певцы. Пятницкий вышел вперед и повел речь о народной песне.

«...Ни в чем так ярко не выразилась жизнь и весь уклад русского человека, как в русской народной песне. Целыми веками композиторы-самородки рядили свою родную песню, как умели. В своей

песне народ изливал грусть и радость, воспевал цветы весенние, степи беспредельные, горы крутые. Душа русского человека вся в песне, как в зеркале. И вот эти жемчужины русского народа с глубокой радостью и волнением мы покажем сейчас...»

Первой прозвучали «Горы воровьевские». Потом спели «Ходила я, девица» и «На горе-то калина». Закончили концерт большим красочным хороводом «Освобожденная Россия».

После концерта комендант Кремля передал Пятницкому приглашение от Владимира Ильича.

23 сентября Пятницкий был в квартире Ленина. Вышла Мария Ильинична. Пятницкий представился. «Сейчас у Владимира Ильича доктор, — сказала Мария Ильинична. — Как только кончится перевязка, вас сразу пригласят в кабинет. Посидите, пожалуйста».

М

ы летели в Каракас, надеясь там встретиться с венесуэльскими коммунистами. Откровенно говоря, это были весьма призрачные надежды. Компартия Венесуэлы только что легализовалась, у нас не было ни одного адреса, мы знали лишь имена людей, известным, правда, по газетам всему миру.

Один ориентир, впрочем, имелся. Эсе в Будапеште во время Консультативной встречи коммунистических и рабочих партий я записал в блокноте: Эдуардо Мансера, член Политбюро Венесуэльской компартии. Встретиться с самим Мансерой в Будапеште не удалось, и я рассчитывал сделать это теперь, тем более что Эдуардо Мансера еще до выхода из подполья был избран сенатором.

В телефонной книге каракасского отеля числилось десятка два абонентов с фамилией Мансера. Когда мы набрали шестой по счету номер и в шестой раз попросили к телефону сенатора Мансеру, в трубке наконец раздалось: «Я вас слушаю». И вслед за этим: «Хорошо, вы прилетели вовремя, уторм я за вами заеду».

Вечером я листал записную книжку. Одиннадцать раз бросали Эдуардо Гальегоса Мансеру за тюремную решетку. В страшной военной тюрьме в джунглях Ориноно, где температура днем никогда не спускается ниже сорока, Мансера томился шесть лет. Его подвергали жестоким пыткам, мучили жаждой, ночью на него, сидящего за решеткой, нацеливали прожектор, и вся нечисть джунглей ползла в измеру на свет. Ему случалось, и не раз, переходить пешком границу с Колумбией — под вымышленными именами, с перекрашенными волосами.

Логика как будто подсказывала, что все пережитое Мансерой за долгие годы революционной борьбы, часто сопряженной со смертельным риском, должно наложить на него какой-то особый, суровый отпечаток. Однако в высоком, худощавом человеке с тонкими чертами лица эти приметы пережитого не сразу бросались в глаза. И только руки — почти нежные, казалось, никогда не знавшие физического напряжения — постоянно искали себе какое-то занятие. Мансера оказался подвижным, как ртуть, и ни секунды не

мог пробыть в одном положении. Говорят, это характерно для профессиональных революционеров, долго просидевших в тюрьме.

Мы ехали по улицам Каракаса, и город едва не плавился под солнечным потоком.

— Муниципалитет.— Оторвав руку от руля, Мансера стремительным жестом показал на другую сторону улицы.— Когда-то я здесь провел безвыходно четыре месяца. Я был вице-алькадом Каракаса. Муниципалитет окружили, меня хотели арестовать как коммуниста. Но в комнате, где я укрылся, хранилась грамота о предоставлении независимости Венесуэле: там никого не могут подвергнуть аресту. Однажды на рассвете моим товарищам удалось переправить меня в надежное место...

Машина остановилась у приземистого белого домика, крыша которого зияла проломами.

— Это было рабочее издательство «Кантокларо»,— сказал Мансера.— Полиция разрушила зда-

ние, искóверкала печатные машины, разбила наборную кассу...

В просторном свежеевыбеленном зале на стенах — красные лозунги и бесконечные черные ряды фотографий венесуэльцев, расстрелянных и замученных в застенках.

— А сейчас здесь работает XIII пленум ЦК нашей партии,— продолжал Мансера.— Первый пленум с тех пор, как мы оставили подполье...

Мансеру позвали, он извинился, ушел. Ушел в соседнюю комнату, где трудились люди Коммунистической партии Венесуэлы, партии, которая из тридцати восьмью лет своего существования тридцать работала в подполье. Мир, как было сказано, хорошо знает этих людей по именам. Хесус Фариа — Генеральный секретарь компартии, более тридцати лет скитавшийся по тюрьмам. Ольга Лусардо — одна из основательниц партии, Помпейо Маркес, Гильермо Гарсиа Понсе и Теодоро Петкофф — это им троим партия организовала отчаянный побег

КОММУНИСТ — ЭТО БОЕЦ

ОДИН ИЗ ЛЕГЕНДЫ

Виктор ШРАГИН

из военной тюрьмы Сан-Карлос (об этой дерзкой операции уже рассказывал «Кругозор»). Легендарные братья Мачадо — коммунисты с сорокапятилетним стажем. Архелия Лайя, посланная представительницей партии в район партизанских боев, однажды сумела вывести отряд из окружения...

Нам не удалось закончить разговор с членом Политбюро Центрального Комитета Эдуардо Гальегосом Мансерой — он активно включился в работу пленума.

Только в Москве, куда Мансера в составе делегации Компартии Венесуэлы приехал на международное Совещание коммунистических и рабочих партий, разговор был продолжен...

Эдуардо Гальегос Мансера.

Каракас — Москва

Бородино, Полтава, Калка —
А линия, глядишь, одна:
Во всем народная смекалка
С героизмом наряду видна.

То русский штык мерцает тускло,
То хлынет партизанский вал.
Недаром говорят, что русский
Блоху когда-то подковал.

Народный ум! Особый норв!
Не вас ли, заглянув вперед,
Учили Кутузов и Суворов
И оценил Великий Петр?!

Не вы ли в годы Перекопа,
Огонь орудий поддержав,
И помогли нам в море скопом
Свалить четырнадцать держав?!

Не вы ли будете виною
Победы нашей и теперь,
Когда идет на нас войною,
Разверзнув пасть, фашистский
зверь?!

Его судьба не такова ли,
Как и злодеев остальных?!
Блоху мы с вами подковали,
И Гитлеру уйти едва ли
От гибели и пут стальных!

1941 г.

Как будто убаюканный,
Дремучий лес застыл.
Идут гвардейцы Крюкова
Сегодня к немцам в тыл.

Уж кони в нетерпении
Кусают мундштуки;
Клинки — как продолжение
Карающей руки.

Немало будет пройдено,
А скажется — в обрез:
— За Родину!
За Родину...

И вздрогнет Брянский лес.
И засверкают голые
Клинки в густой ночи.

И заскакают головы
У фрицев, как мячи.
Скрываясь за каштанами,
За дубом схоронясь,
По Жуковке бесштанная
Бежит штабная мразь.

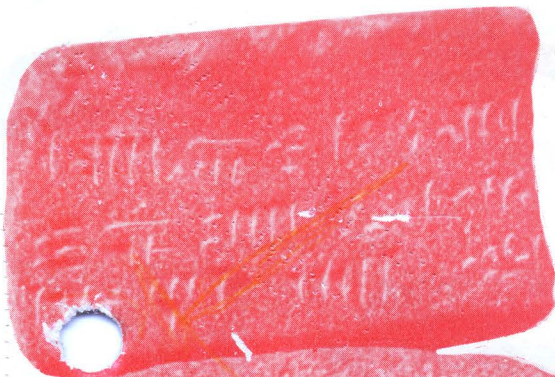
А крюковская конница
Летит наперерез!
...И вот уж славой полнится
Старинный Брянский лес.

И вспоминают пройденных
Путей героический труд.
И ждут, когда за Родину
Опять на бой пойдут.

1943 г.

2750 лет назад

человек выбил на этой плите слова: «Бога Халда величием Аргишти, сын Менуи, эту крепость великолепную построил, назвал (я) по имени город Эр(е)буни, во славу Биайны, на страх вражеским странам...» Так человек заполнил каменное свидетельство о рождении Еревана.

2750 лет другие камни — придорожные надгробья и глыбы, врезанные в стены храмов, продолжали писать жития этого города, этой страны. Вы можете прочесть немало каменных страниц, запечатлевших величие духа армянского народа и его творческого гения. Но тут больше камней, которые рассказывают о разрушениях.

И только полвека, полвека из 2750 лет, городские стены рассказывают о возрождении и созидании.

Сейчас вы войдете в Ереван. Вас проведет по нему поэт Геворг Эмин. Он знает прошлое города, он воспел его настоящее, он размышляет о его будущем. Входите!

В чем, коротко говоря, сущность нашей истории? Века проходили и пронеслись над этой землей, и каждый из них оставил на ней тяжелейшие рубцы.

Что же дало народу силу выстоять, выжить, возродиться?

Творчество, созидание, мастерство в широком понимании этого слова. Страдания и сопротивление разрушающим силам так оттачивали мысль, делали такими искусными руки, что целый народ стал мастером и созидателем.

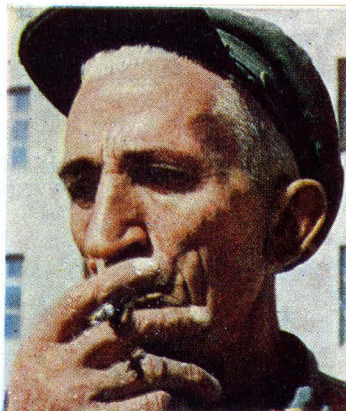
Присоединение Армении к России в начале прошлого века не только спасло наш народ от физи-

МАСТЕРА АРМЕНИИ

ческого уничтожения, но и побратало его с великим русским народом, приобщило к искони присущему русскому народу страстному поиску правды, предвестнику революционных бурь.

Но на протяжении долгих столетий врагов было куда больше, чем друзей. Однако если оружием врага был меч, то нашим оружием — перо, если его оружием был ятаган, то нашим — молот и лемех. Каким бы ни был грозным меч, рука, его держащая, устает раньше, чем рука, направляющая молот и лемех. Часто враги наши уставали разрушать, а жажда созидания народа увеличивалась все больше и больше.

И это обостренное, всегда готовое противостоять злу и разруше-

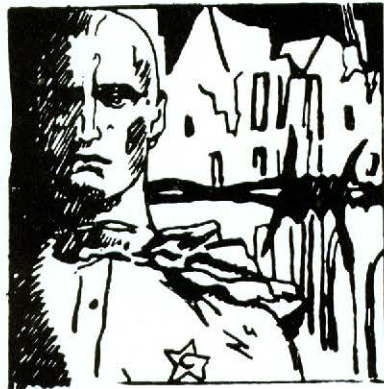
Сколько домов сложил за тридцать лет в Ереване Герой Социалистического Труда каменотес Хачик Кошкарян — сам он не считал. Но буквально на каждом шагу, выходя из какого-нибудь подъезда, люди кланяются мастеру: «Здравствуйте!»

Наверняка нужно быть мастером и чтобы пронзить туннелем горный хребет, повернуть вспять реку Арпу, заставить ее питать озеро Севан, дающее энергию Севано-Разданскому каскаду. Акоп Казарян — прораб знаменитой стройки, бригадир проходчиков.

Давид Бабаян — скульптор-чеканщик. На багровых листах меди он «рисует» образы армянского эпоса, дает зримый облик лирической строфе. Специалисты считают, что его работы могут соперничать с лучшими образцами армянской и итальянской чеканки.

Михаил ЛУКОНИН

Да, раны зарастают. Но растут.

И не болят,
пока их не увидишь
или пока забвением не обидишь,
тогда опять с тобою —
тут как тут.
Когда детей в большой семье
растят,
им шьют с запасом,
чтобы впрок носилось.
И нам
шинели длинные, до пят
и шрамы тоже
выдали на вырост.
Чтоб мы не заблудились в ней,
война
на нас зарубки ставила,
ты помнишь.

А чтоб не заблуждались,
жизнь сама
свои заметы ставила потом уж.

Вы так и не отпустите меня.
Вы держите меня,
как на приколе, —
ранения давнишнего огня,
ранения послевоенной боли.

Живу за тридцать земель,
Сквозь зиму виден еле-еле,
И замела теперь метель
Мои нелегкие недели.
Через Актюбинск, Кулунду —
Мечтою, ночи коротая,
В Неопалимовский иду,
Как снег, к ногам твоим спадаю.
Все подозрения простил,
Увидев в отсвете от окон,
Как след твой маленький

простыл.

Как робот он!
Как одинок он!
Но вдруг приснится рядом след,
И ты под тяжкою рукою, —
И вот уж снова сладу нет
С неразберихою такою.
Неопалимовский, прости,
Лечу, морозом опаленный,
Обдутый ревностью в пути
И жаждою неутоленной.

В глазах твоих тихих — улыбка.
Прошу тебя снова: взгляни.
Нетерпеливо и зыбко
в зрачках пробегают огни.
Трепещут огни негасимо,
ловлю их живой пересверк,

Еще улыбаюсь насильно,
а сам уже сник и померк.
Смеешься? И смейся. Ты рада?
И радуйся.

Счастлива ты?
Я все понимаю. Не надо
стесняться своей правоты.
Я руку твою отпускаю,
себя самого торопя.
Сейчас вот, сейчас, отвываю...
Огни украшают тебя!
Огни и меня закружили,
читаю в них участь свою.
Огни не мои, а чужие.
Свои я огни узнаю!
Свои бы почувствовал тут же,
нет в памяти схожих огней.
Не то, чтобы лучше иль хуже,
взволнованней иль холодней.
Нет, просто мои не такие.
Не так они вспыхнуть должны.
В глазах твоих — это другие,
не мною они зажжены...
И так уж сгорело немало,
нет места живого во мне.
Еще бы чего не хватало —
в чужом задохнуться огне.
Пусть жжет меня зависть слепая,
гнетут меня ночи и дни.
Шепчу я себе, отступая:
Прощайте, чужие огни!

Рыбак Орыс Кутыбаев.
После улова. Поселок Кужетпес.
На острове Барса-Кельмес.

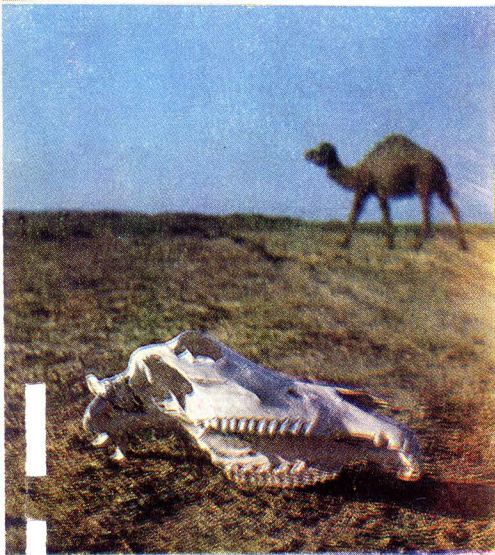
Юрий
ШАПОРЕВ
Фото А. Лидова

ПУТЕШЕСТВИЕ

...Едва солнце позолотило песчаные дюны, экипаж сейнера «Ленинград» вызвался подвезти нас к зачарованному острову, самый большой из которых — Барса-Кельмес. И ход у корабля отличный, и погода лучше не надо, а пришвартовывались мы к отлогому берегу только в сумерках. Так далеко в море этот остров, недаром казахи зовут его Барса-Кельмес, что означает «пойдешь — не вернешься». По ходу сейнера рыбаки бросили в море сеть, потом, спустив на воду две лодки, стали ее вытягивать. Улов оказался удачным, и люди в лодках весело и азартно швыряли вверх на палубу огромных сомов, блестевших под солнцем. Когда сеть освободили, «Ленинград» опять лег курсом на Барса-Кельмес.

А он приближался навстречу. Он рос и рос. И вот уже показался великолепно дикий и громадный утес. Еще долго мы кружили вокруг острова, вокруг этих неприступных скал, ища прибежища. Позднее мы узнали, что судно наше заметили с острова еще далеко в море, видели, как мы дол-

го кружили, и поняли, что это гости. В другой раз вышли бы встречать всем островом, а в тот вечер не могли: все разгружали баржу, торопились, — синоптики обещали сильный шторм, с часу на час погода должна была испортиться, а матросы с баржи хотели попасть домой, да еще кто-то на свадьбу спешил...

Несколько лет назад я вот так же ходил по острову, по опустевшему поселку. Как недавно это было и как давно! И снова я всматриваюсь в саксаульник, пески и тихие домины. И удивляюсь гвоздикам и георгинам у окон хаты с плоской крышей. Кажется, все так же, как в тот, первый раз.

— Существует поверье, — рассказывал мне егерь Николай Ива-

нович Самойленко, — если питаться куланьим мясом, будешь сильным и смелым. Кулан — редкое и малоизученное животное. Это дикий полуосел. Он очень красив. У него высокие и тонкие ноги. Куланы смелые и сильные. Вспомните «Шагреневую кожу». Ведь чудодейственный шагреньевый талисман был из кожи кулана. «Быстроту бега кулана можно сравнить разве только с полетом птиц, — пишет Бальзак. — Почти невозможно настичь его в горах, где он прыгает с утеса на утес подобно серне или летящей птице... Легенда о крылатом коне Пегасе, вероятно, возникла в этой стране, где пастухи видели кулана, прыгающего с утеса на утес...» Красиво написано и верно.

Мы долго ездили по острову, видели и куланов и то, как егерь дает им корм прямо из рук, и залегали в кустах саксаула, выжидая, когда мимо нас пройдут к водопою сайгаки, а они шли, гордо неся свои рога, не подозревая, что в этих рогах — их смерть, потому что содержащееся в них вещество весьма ценится медициной.

— Спрос на рога всегда был большой, цена высокой, вот и истребляли сайганов, — с горечью говорил мне егерь. — Истребляли. Потому что душа была мертва. А когда душа мертва, творится и жестокость и несправедливость.

«Когда душа мертва», — повторил я про себя. И подумал: как же щедр и богата душа у людей, вставших на защиту природы! Это их стараниями на Барса-Кельмесе в советское время создан заповедник, а международный съезд защиты природы внес куланов в список животных, подлежащих строжайшей охране.

...Сейнер погудел, поסיгналил и поплыл дальше. А на берегу маленького острова стояли люди.

Но на этом встреча с рыбаками не кончается. Поставьте на проигрыватель пятую звуковую сторону и вы перенесетесь на Волгу, чтобы в лодке вместе с корреспондентом Всесоюзного радио Виличем Лямгисом выйти на путину.

К зачарованным островам

Владимир ЦЫБИН.

Из
лирического
дневника

Вазочка

Вот и закончились душно-влажные августовские ночи с тихим цветением воды на затонах. Теперь в прояснениях появляется прозрачная, непорочная пелена: это вода возвращает себе первоначальную ясность, это наступают осенины -- ровное семейное время, самая, может быть, жизнелюбивая пора. Не зря же называется в народе сентябрь зоревником, ведь никогда еще не было столько нежно-розового пыланья и там, на окраине неба, где начинается день, и здесь, где ягодное, рябиновое сияние теряется среди почерневой листвы.

Бабье лето по народному месяцеслову наступает в середине сентября. Нет ничего светлее, спокойнее и надежнее этих дней в тонкой, почти невесомой вязи паутины, в сиреневом цветении речных дымов.

А на листья идет теперь особая колокольная медь, хотя еще осень сохраняет на их мякоти нежно-холодную прозелень.

Листья падают плашмя и наизнанку, как медяки — орел или решка.

А в предгорьях Алатау, где я недавно был, материнка и огнецвет утратили свои влажно-терпкие запахи. Только еще возле вершинного снега они благоухают.

Чем выше, тем прохладней, тем ярче и пламенной цветы, словно они пытаются согреться от собственного цветения.

Возле нашей избы закапывают в землю саженцы вербы и тополя. Саженцы голые и мокрые, только на одном завис маленький лист.

Садовник Николай Ильич наставляет меня:

— Осенью дерево лучше принимается. Весной дерево болеет, потому что привыкает к новой земле, а пока привыкнет, весна кончается. Осенний же саженец весной не тоскует — он уже не помнит, что был когда-то в другом месте деревом. Теперь тоска, что он живет во второй раз, не будет ему мешать.

Когда дерево тоскует, оно не растет.

А в другой день Николай Ильич начал бережно кутать соломой, хворостом и опавшими листьями

стволы персинового дерева, которые он зовет шапталой.

— Понимаешь, — растолковывает опять Николай Ильич, — это дерево княжеского рода, нежное, розовое. Я и укутываю, чтобы сон не застыл в капиллярах. Видишь, поди, сам, какое благородное.

И вправду, дерево шапталы тоненькое, ветки, словно точеные, а кора с благородной розоватиной. И листья у него узкие, в желтых блестяках.

Николай Ильич помедлил, словно собираясь вспомнить что-то чрезвычайно важное:

— Ты думаешь, я шапталу только из-за невиданных плодов посадил? А посадил я для того, чтобы те фруктовые деревья, что не любят мороза, — урюк, слива — думали: «Если шапгала, такая хрупкая, выдержала, не погибла, то мы и подавно сдюжим». Вот в чем загвоздка.

И Николай Ильич, любовно поглаживая ствол шапталы, загадочно засмеялся.

Странно видеть на желтой, уставшей земле белый сверк изморози. Вся эта праздничность до первого солнечного луча: тогда вдруг все опять начинает желтеть, и можно услышать, как тонкие хрусталики изморози с тихим хрустом лопаются и падают на землю, словно диновинные семена. Только это другие семена — семена еще не взошедшего зимнего снега.

Осень на прощание зажгла рябины, и они горят ярко и прохладно, как камушки на дне прозрачного, чистого ключа.

Вот здесь, у дороги, еще прошлой осенью стояла развесистая, похожая чем-то на ежа елка. Под этой елью проходила грибница и росли грибы, а было от хвойного запаха влажно и тепло. Обычно здесь всегда кто-нибудь отдыхал. Теперь на этом месте пень: елку, наверное, срубили для праздника. Но все равно нет-нет и присядет на пне усталый путник, посидит, подумает, посмотрит на красоту лесную.

И на миг покажется, что жива еще та елка, ведь только пень от нее остался, а все равно гостеприимностью зовет к себе.

А я все надеюсь, что должна вырасти на том месте новая елка, вот только придет весна — и вырастет!

Слышу тихое, нетвердое постукивание по упавшим листьям капелек оттаявшего инея. Вот как же с негромким постукиванием осыпаются последние ягоды. А

● может быть, это мгновение ове-
ществилось вдруг и упало капель-
ной на желтые, уставшие жить
листья?

● В кузове грузовика девушка с
букетом цветов. Ухабы. Тряска.
Шофер останавливает машину:
— Девушка, залезьте в кабину,
а то ушибете цветы!

● А ведь совсем еще недавно, ка-
жется, был последний сенокос.
Тогда в балках возле многочис-
ленных проток звенели косы, и
из-под них, потрескивая, выскаки-
вали зеленые кузнечики, уже под-
желтенные сверху. А иногда с шу-
мом вылетал какой-нибудь зазе-
вавшийся перепеленок. Потом долго
в стороне раздавалось его тер-
пеливое: «Пить-полоть».

— Поздно! — смеялись косцы. —
Полоть уже давно кончили, а вот
насчет пить — не мешает выпить
ключевой водички.

● А мальчишки весело бегут по
жестковатой траве и громко драз-
нят перепелку:

Птица-перепелочка
Пить похотела —
Поднялась, полетела!
Пила, пропала,
Под лед попала!

● А теперь между высохших ость-
ев травы развешаны косые блест-
ки изморози, и тихо лишь иногда
последний коростель засвищет,
окликав свою стаю.

А скирды еще долго будут пах-
нуть сенокосом — всю зиму! Сено-
косом и снегом...

● Как хочется под мокрыми, при-
томленными осенним тленом
листьями яблони отыскивать на
земле яблоки. Это самые лучшие
яблоки, самые спелые — в подпа-
линах осенней зрелости, с oran-
жевой рассыпчатой мякотью.

● Яблоня, как бабушка, любит
припрятывать гостинцы, чтобы
вдруг тускло-желтый день стал
хорошим и праздничным.

● Горный октябрь-пасмурник
медлителен. Он никуда не торо-
пится, у него всего вдвойне: по
талому многотравью белые остат-
ки пушинок татарника, желтая за-
валь дроздливого цветения послед-
них цветов со скатанной в боль-
шие капельки росой.

● Так и живет октябрь где-то ря-
дом, у зазимка, так и живет со
своим обманным и непрочным бо-
гатством.

● В густых зарослях лежат целые
поляны сосновых и еловых игл.
Раздвинув ветки, увидишь много-
численные крестики, воронки, ве-
ера следов. Иные чудом сохрани-
лись здесь еще с прошлой зимы.
Птиц, которые ходили здесь, кле-
вали ягоду, хорохорились, хлопа-
ли крыльями, дрались, уже дав-
но, может, нет в живых, а следы
их в мокрой полутьме еще живут
и о чем-то сбивчиво говорят. И
только сосны слушают голоса
этих следов.

● Так оканчивается зазимок — с
холодной тальцой, с первыми сне-
гирами, которые — так кажется! —
перенесли рубиновое полымя сво-
его оперения на рябины.

● И если выпадет вслед за лег-
ким — первым — новым, весомый
снег, он уже вкопится в землю,
чтобы удержаться здесь на поле
до оттепельной распутицы. Снег
в своей постоянной, изначальной
новизне...

● Погода в последние свои дни
вспыхивает влажным огнем поз-
дних листьев. Пасени уже давно
отпочевали по домам.

— Ну вот, в последний раз за-
осенило, — говорит мой отец, — те-
перь уже везде так: цвет — жар-
кий, а суть — мерзлая.

— Зима, старик, — говорит кир-
гиз Иса, — много живет, мало гре-
ет... — и долго скучает над этой
мыслью.

● Где-то далеко, в самом конце
степи — вершины Терских Алатау,
покрытые огромными ольшяими
снегов. Оттуда, от первородного,
вечного снега спускается на го-
лые склоны вместе с облаками
зима. Так всегда: зима начинается
с вершин.

Вот что всегда немножко непонятно: ведь первого сентября начинаются не каникулы, а учение — ежедневное, по многу часов, с неприятностями, двойками, забытыми дома дневниками, с вызовами родителей в школу. Не каникулы!

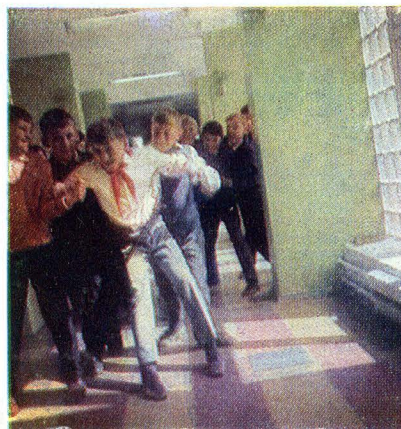
А все рады. Ну, ладно, первоклашки тянут, счастливые, свои буквари... Рады даже старшеклассники. Хотя кто-кто, а они-то знают, что такое учебный год.

И учителя не отпуск начинают: тут и огорчения из-за плохих ответов, и ночные бдения над тетрадями, и волнения из-за комиссий... Не отпуск!

А тоже рады, смотрят любовно на своих ребят, даже самых отстающих и непоседливых. Все ждут от них чего-то, все надеются, что наконец в нынешнем году все будет хорошо.

Первое сентября — день надежд. Нет, иначе: день Великих надежд. Мама проводила сына в первый класс, его увели за закрытые двери, родителям вход запрещен! Через несколько лет он выйдет из этих дверей взрослый, воспитанный, обра-

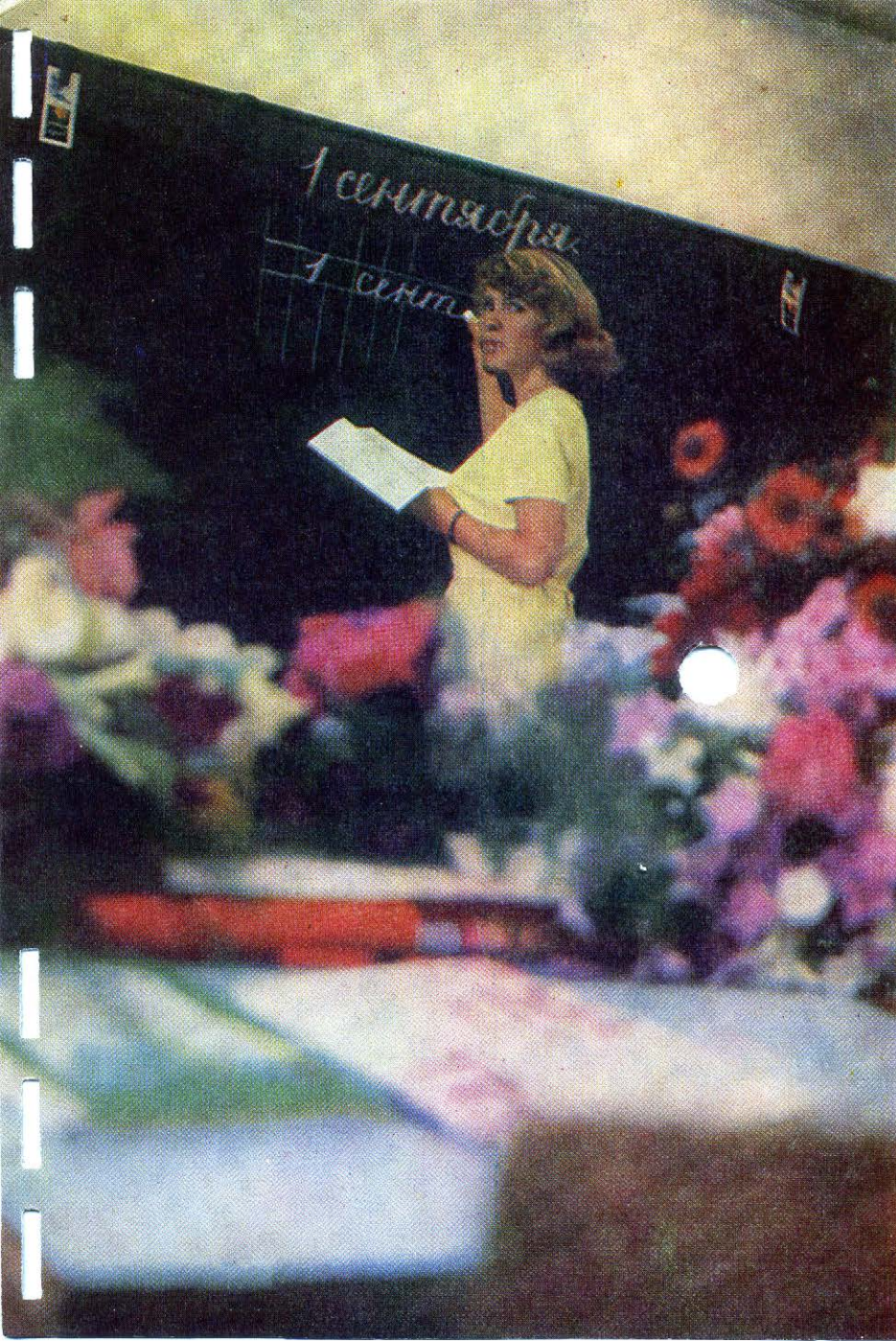
ПЕРВОЕ СЕНТЯБРЯ

С. СОЛОВЕЙЧИК

Фото Н. Свиридовой
и Д. Воздвиженского.

зованный и ужасно умный. Так думает и надеется мама.

А сын, входя в школу, быть может, и не думает о будущем. Для него не то что восьмиклассник — третьеклассник кажется Гулливером. Но каждое первое сентября станет для него ступенькой роста. Чередования годов и классов придают жизни ритм, музыкальную стройность. И еще он, сын, узнает, что в школе хорошо. Интересно на уроке, там можно почувствовать себя удачливым, умеющим человеком. Там вокруг друзья. В семь или десять лет потолкаться на перемене — разве этого мало для счастья?

Первое сентября — праздник. Если бы во времена Петра Первого училось столько детей, сколько сегодня, он, наверно, не решился бы переносить новый год с 1 сентября на 1 января. Как под настоящий новый год, под 1 сентября загадывают желания, дают себе зарки начать новую жизнь... И даже тот, кто давно уже окончил школу, в этот день испытывает не то что бы зависть, а какой-то порыв: «А не пойти ли и мне учиться? Годы проходят...» И сразу почему-то вспоминается Лев Толстой, в шестьдесят лет выучившийся ездить на велосипеде, и еще какие-то примеры вроде этого... и хочется все бросить и опять и опять за книги...

«Книжное учение», — говорили в старину. Жизнь учит нас каждый день, ее учебный год не начинается и не кончается, но как хотелось бы иной раз добавить к урокам жизни еще и «книжного учения»!

Но коль скоро нельзя — работа, семья да и душевный запал уже не тот, — что ж, проводим в школу наших ребят с цветами, улыбками и добрыми напутствиями. Пусть дети будут умнее нас, грамотнее, счастливее, пусть всегда вспоминают первое сентября с радостью, и пусть в их жизни еще долго-долго будет этот день: первое сентября...

Елена
НИКОЛАЕВСКАЯ

В пролетах звонниц поднебесных
Таят свой глас колокола:
Зазвонный, будничный, воскресный.
В одном — набат. В другом — хвала.

Я слышу в тьме полынно-горькой,
Застывши у замшелых плит,
Как у Василия на горке
Вспокоенный колокол гудит...

Не в каждого ль из нас заране
Вложила колокол судьба?
В ком — благовест,
В ком — отпеванье,
И гнев, и радость, и мольба...

Во мне ж тревогой непреложной
Гудит и стонет, как живой,
Вспокоенный колокол,
Вспокоенный —
Не праздничный, не вечевой.

Псков

Новгород

Заря покровы сбросила,
Зажглась на небеси,
Окрасив Ильмень-озеро —
Исход всея Руси.

У озера у Ильменя
Стою на берегу,
Зову тебя по имени —
Дозваться не могу...

По Волхову до Ладоги
Пути — рукой подать!
Ах, если б знал, как надобно
Тебя мне увидеть...

Куда там!.. Звоны славные
Плывут здесь сотни лет,

А твоего державного
Еще в помине нет.

На невских топях города
Лишь сумь, да чудь, да водь...
От моря да от холода
Обороны, господа!

А в Новгороде вольница
Решает все дела.
А в Новгороде звонница
Стоит белым-бела.

И — чудо рукотворное —
Сквозь смуту стольких лет
Во все четыре стороны
Свой посылает свет.

Фото О. Макарова

СИМФОНИЯ ДЛЯ ДВУХ ИНСТРУМЕНТОВ

Дмитрий Шостакович создал новое произведение — скрипичную сонату, которую он написал к шестидесятилетию народного артиста СССР, лауреата Ленинской премии Давида Ойстраха.

Перед первым исполнением сонаты Давид Ойстрах обратился к присутствующим с небольшим вступительным словом:

«Я счастливее многих, так как знаю новое сочинение Дмитрия Шостаковича ближе, нежели другие.

Музыка эта внесла в мою жизнь что-то необычайно ценное, глубокое, свежее. Это произведение мне кажется необычным.

Я давний поклонник творчества Шостаковича. Еще в молодости увлекался его Первой симфонией, оперой «Леди Макбет Мценского уезда». Но сегодня мне хочется сказать, что произведения последних лет — Второй виолончельный концерт, песни на стихи Александра Блока, Двенадцатый квартет и Второй скрипичный концерт (мне посчастливилось быть его первым исполнителем) — новые и очень значительные вехи в творчестве Шостаковича. Каждое из этих сочинений очень индивидуально, и нельзя сказать, что одно дополняет другое. Дмитрий Дмитриевич всегда остается самим собой и в то же время каждый раз в музыке его находишь нечто новое, необыкновенное. Лишь человек, который достиг лучшей поры своей творческой зрелости, мог сочинить это.

О сонате могу сказать, что она нравится моему сердцу, всему моему существу, нравится каждый ее модуляционный оборот, каждая гармония, каждая мелодия — а ее здесь необыкновенно много — и естественная связь всех этих элементов между собой.

Последнее время я немного занимаюсь дирижированием. Поэтому, играя сонату, чувствую себя скрипачом и дирижером одновременно — настолько она симфонична, глубока по чувству, масштабна по своему философскому содержанию».

Принято считать, что у города должны быть предместья, что в городе полагается быть вокзалу, что город не может обойтись хотя бы без плохонькой фабрички или какого там ни на есть промышленного предприятия. Ничего этого нет в Суздале.

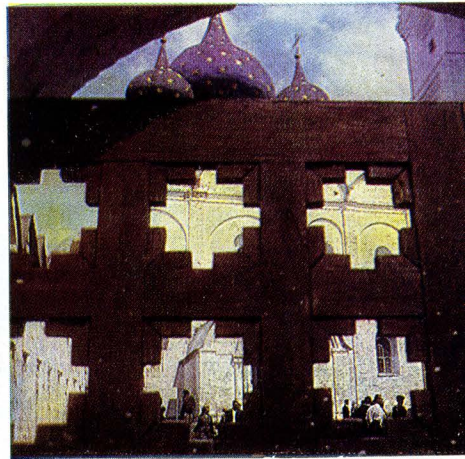
Без фабричных труб, без железной дороги, без больших городских зданий — затерялся Суздаль среди хлебов Владимирского ополья. Выглядывают из-за реки башенки да купола церквей. Хлеба окружили город, подступив к крайним домам, как это бывает на деревенских околицах. А луга вслед за рекой Каменкой подобрались к самому центру города.

В стороне от главной улицы то и дело попадаются улочки, совершенно заросшие травой. Там, где должны быть тротуары, вьется узенькая тропиночка, а так кругом зелень да зелень. Смотришь вдоль такой улочки, а она пуста — ни тебе прохожих, ни автомобилей. Недалеким концом своим упирается улочка, как правило, или в монастырскую стену, или в церковь. На окнах домов —

взгляд на земли Центральной России. Среди песчаных малопроданных почв, вскормивших к тому же дремучие леса, лежит небольшой черноземный клин. Происхождение его загадочно. Так вот Суздаль — центр, как бы столица этого окруженного лесами куска полевой хлебобородной земли.

С другой стороны, поднявшись еще выше, мы увидим, что Суздаль вовсе не в стороне от больших дорог, от торговых путей, а как раз на бойком торгу. Это теперь он остался в стороне, потому что пути изменились, а раньше было так: один путь из Новгорода к Черному морю, другой — из Новгорода на Каспий. Суздаль и возник на этом последнем.

Река Каменка была достаточно глубокой для того, чтобы в нее могли заходить купеческие струги. В четырех верстах от города Каменка впадает в Нерль. Нерль выносит свои воды в Клязьму, Клязьма — в Оку, Ока — в Волгу. И вот уже брезжит в голубой дымке сказочный Восток — ковры, пряности, прочая роскошь. Где теперь Волго-Дон, был волок до До-

ПО ТИХИМ УЛИЦАМ СУЗДАЛЯ

Владимир
СОЛОУХИН

резные наличники, на подоконниках — цветы, цветы, цветы. Почти у каждого дома есть свой огород и сад, а перед окнами еще и палисадник, похожий на корзинку, полную сирени.

Суздаль древнее иных русских городов, в том числе и Владимира, не говоря про Москву. Когда он возник, в точности неизвестно. Также неизвестно, почему называется Суздалем. Славянофильское предположение, что в основе «судить», «осуждать», «рассуждать», а отсюда — «суждение» и «суждаль», конечно, красивая мечта. «Суздаль» — слово дославянского происхождения, так же как Нерль, что течет невдалеке. «Суздаль» не расширявается, и смysl его для нас темен.

Однако, если мы не можем прояснить этот вопрос, совершенно ясно другое и более важное: почему именно здесь возник, а потом сделался столицей обширнейшего княжества город Суздаль.

Можно подняться мысленно на некую высоту и бросить оттуда

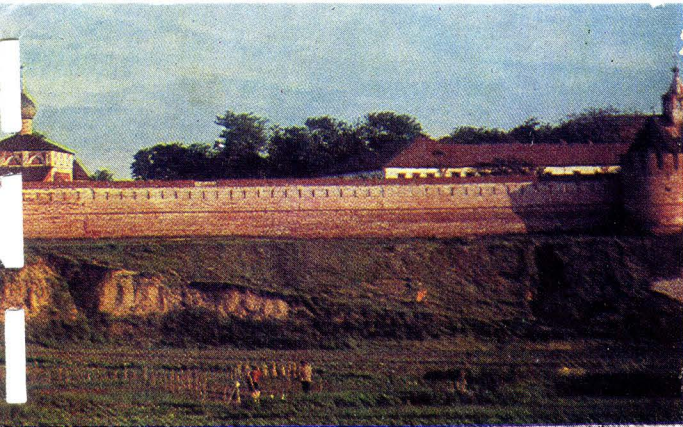
на, а там уж иные, заморские края: Византия, Венеция... При раскопках в суздальском черноземе находят иноземные — персидские, индийские, арабские — деньги.

Когда Суздаль был цветущим, могучим городом, на западе в дремучих лесах дымилась десяток труб деревушка Москва. Одному из сыновей Александра Невского, а именно младшему, Даниилу, после смерти отца дали в удел заброшенную, затерянную Москву — незначительный пригород Владимира и Суздаля. Даниил уехал туда, и с тех времен началось усиление Москвы. Оно продолжалось до тех пор, пока все не перевернулось наоборот — Москва стала столицей, а Владимир и Суздаль — ее владениями.

А теперь мы едем в Суздаль из своих огромных городов, чтобы побродить по его тихим улочкам, подышать русской стариной, прикоснуться к иному времени.

Песни о старых городах слушайте на седьмой звуковой странице.

Фото Л. Лазарева.

СЕМЬ НОТ В ОКЕАНЕ

Это был Мауи, смелый и хитрый, могучий земной человек; он извлекал из океанских глубин большие рыбы-острова — гласит легенда. Так родились и острова Новой Зеландии, где до сих пор живут потомки Мауи — маорийцы. Их город — Роторуа. Неподдалеку сохранилась маорийская деревня Вакареварева с причудливыми домиками, украшенными замысловатой резьбой.

Эта деревня превращена в своеобразный музей под открытым небом. Приезжие прежде всего спешат побывать в этой деревушке. Здесь, как и много лет назад, маорийские женщины стирают белье в горячих озерцах и источниках. Источники с кипящей водой маорийцы используют и для приготовления пищи. В кусок холста смуглолицые хозяйки заворачивают свинину, специи, рыбу, батат и на веревке опускают в кипящую воду.

Маори очень музыкальны. Существует несколько небольших ансамблей национальной песни и танца. Я слышал многие маорийские песни, они напоминают гавайские. Содержание их основано на древних легендах о подвигах предков.

Часто песни сопровождаются танцами, действием. Вот песня гребцов с озера Роторуа. Сидящие на земле девушки изображают гребцов каноэ. Они в ярких открытых платьях, похожих на сарафаны. Вместо весел девушки держат в руках шнурки с цветными камышовыми шариками на концах. Покачиваясь подобно гребцам в лодке, они ударяют себя мягкими шариками по плечам, бедрам, спине. Шорох камышовых шариков создает своеобразный фон для аккомпанирующей гитары — единственного инструмента маорийских ансамблей.

Чуть грустная песня «Хаэре ра» — песня о расставании влюбленных, которые надеются на встречу, — раздается в ночной деревушке Вакареварева. «Хаэре ра, хаэре ра...»

В. КАССИС

Слушайте десятую звуковую страницу журнала

9(66) сентябрь 1969

Сила смеха

Михаил СЛОНИМСКИЙ

1. В звуковую книгу о В. И. Ленине. «Ходоки».

2. «Революция — жизнь моя». Рассказывает венесуэльский коммунист Эдуардо Гальегос Мансера.

3. Хор Пятницкого. Записи 1911 — 1969 годов. В песне «Соловей-соловушка» поет Митрофан Пятницкий.

4. Первый оттиск. Д. Шостакович. Соната для скрипки и ф-но. Сочинение 134-е, часть вторая. Исполняют Д. Ойстрах и С. Рихтер.

5. «На рыбалке, у реки...» Репортаж с путины.

6. Михаил Луконин. Пластинка поэта. Из лирики последних лет.

7. Песни о старых русских городах. «Псков» — слова и музыка Е. Клячкина. «Суздаль» — В. Соловьева-Седого и М. Матусовского. Поют В. Лыньковский и М. Кристаллинская.

8. Михаил Кольцов, Михаил Зоценко. Из найденных звуковых записей.

9. «Наша школьная страна». Песни из сюиты Ю. Чичкова и К. Ибряева.

10. Мелодии с островов Новой Зеландии.

11. Песенные премьеры. «Страна воспоминаний» — В. Азарашвили и А. Дмоховского. «Лунная баллада» — С. Пожлакова и Л. Лучкина. Поют Н. Брегадзе и Э. Хиль.

12. Том Джонс. Три песни о любви.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАТЕЛЬ:
КОМИТЕТ
ПО РАДИОВЕЩАНИЮ
И ТЕЛЕВИДЕНИЮ
ПРИ СОВЕТЕ
МИНИСТРОВ СССР

На первой странице
обложки рисунок
А. Губарева
«Украинская
колыбельная». Киев.

Режиссер
Н. Субботин.
Художник
Е. Казанов.
Технический
редактор
Л. Петрова.

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ

Адрес редакции:
Москва, И-427,
ул. академика
Королева, 12.
Телефоны редакции:
181-79-53, 181-79-48

В 04917. Подп. к печ.
12/VIII 1969 г. Формат
бумаги 84 × 108¹/₁₆.
Усл. п. л. 1,68.
Уч.-изд. л. 1,4.
Тираж 350 000 экз.
Зак. 2101. Цена 1 руб.

Ордена Ленина
типография газеты
«Правда»
имени В. И. Ленина.
Москва, А-47,
ул. «Правды», 24.

Звуковые страницы
изготовлены Всесоюзной
студией грамзаписи
фирмы «Мелодия»
и Государственным Домом
радиовещания и звукозаписи.

Недавно нашли магнитофонную запись Михаила Зоценко. Она сделана несколько десятков лет назад во время его выступления перед читателями. Вы услышите ее в этом номере «Кругозора».

Михаил Зоценко начал свою литературную деятельность в первые годы Советской власти, а к середине двадцатых годов стал одним из самых известных наших писателей.

Он родился в 1895 году в семье художника-передвижника, и эпоха, в которую жил писатель, дала ему огромный жизненный опыт. Участник первой мировой войны, он пошел добровольцем в Красную Армию, сознательно соединив свою судьбу с революцией. Раненный, отравленный газами, он после военной службы переменял много профессий. Кем только не был! Кролиководом, милиционером, агентом уголовного розыска.

Помню большое впечатление от его первых рассказов, которые он читал в 1921 году в организованном тогда в Петрограде под председательством М. Горького Доме искусства. Зоценко посещал литературную студию, работавшую под руководством К. И. Чуковского.

В одном из ранних рассказов, «Рыбьей самне», Зоценко писал: «Великая есть грусть на земле. Осела, накопилась в разных местах, и не увидишь ее сразу...» М. Горький почувствовал стремление Зоценко прогнать из жизни эту «великую грусть», его любовь к людям. Последнее письмо к Зоценко, очень сердечное, было написано Горьким незадолго до смерти, 25 марта 1936 года, и в нем заключены известные слова: «Страдание — позор мира, и надобно его ненавидеть, для того чтобы истребить».

Смех, грусть, горечь, лирика — все соткано воедино в сложной новизне лучших произведений Зоценко, в словесной вязи их. Так животворна была сила зоценковского таланта, что грустная и злая жизнь превращалась под его пером в страстно обличительные и в то же время вызывающие неудержимый хохот шедевры художественной прозы. Самые обыденные сюжеты и «мелкие» происшествия он подымал до уровня высокого искусства — и в этом следовал замечательным традициям русской классики. Достаточно вспомнить «Шинель» Гоголя.

К работе своей в литературе Зоценко относился с огромной серьезностью. В годы первой пятилетки он, известнейший писатель, охотно сотрудничал в заводской многотиражке, и рабочие восхищались его фельетонами. Это радовало его. Он не раз говорил, что стремится писать для народа, не раз говорил о создании подлинно народной литературы. На обложке первой книги он не хотел ставить свое имя. «Я никогда не работал для удовлетворения своей гордости и тщеславия», — писал он в автобиографии.

Михаил Зоценко умер в 1958 году. Произведения его живут и получают признание новых поколений читателей.

Я люблю человека, и хочется мне, чтобы человек чаще был Человеком.

...Льстиво говорил, и это вызвало законное сомнение в его намерениях. В глазах его сверкал избыток жизненной энергии. Мне даже показалось, что отлит он из грубого металла — из зависти и честолюбия...

— Вы об Аристотеле что-нибудь слышали?

— Ну, отчасти слышал. Кажется, был царь и...

— Философ. Так Аристотель, говоря о литературном искусстве, пишет в «Поэтике», что задача поэта говорить не о действительно случившемся, но о том, что могло бы случиться... Упала статуя Мития — не рассказ. Упала, придавила виновника смерти этого Мития в то время, как он на нее смотрел, — рассказ... Конечно, можно не считаться с данным правилом, но в принципе правильно.

Надо досочинять...

Записал в книжку.

«Да, но это все-таки не так-то просто — досочинять. Хотелось бы...»

— Простите...

— Нет, я думал, что Вы откроете мне какой-то секрет, который позволит легко орудовать в литературе.

Жадный блеск его глаз несколько померк, и он, простившись со мной, отбыл.

Если человеку сказать хорошие слова о нем (пусть ложь!), он все делает, чтоб быть таким.

Цитата из Маркса: «Нужно, чтоб человечество смеялся расставалось со своим прошлым».

Из записных книжек разных лет

Гибель старой культуры, старой литературы соответствует принципам устройства природы. Верхний покров истончается, делается дряблым и нежизнестойким. На смену приходит новая ткань, несколько еще не благоустроенная, но более крепкая.

Пожалуй, самая светлая черта советского человека — это доброжелательность. Я вспомнил Крым. Человек бежал за мной: не ходите, там обвал.

Такой умный и даже мудрый человек, как Лев Толстой, оценивал все, не делая поправки на свой возраст и, стало быть, на свои поблекшие ощущения.

Истинно культурные — это не те люди, которые получили образование, а это те образованные люди, которые умеют руководить своими чувствами, инстинктами и поступками.

Не только содержание, но фразы и даже отдельные слова должны быть в полной и совершенной гармонии. Должен быть «ритм», должен быть размер и музыкальный подбор. И каждому настроению — свой размер.

Нельзя быть равнодушным. Все, что вокруг, — это вас касается.

Четко видеть окружающий мир. Отчетливо видеть событие, ограничивать его, извлекая из хаоса.

Муж и жена от одинаковых химических причин становятся почти одно тело по реакциям и состоянию. И те мужья, которые создают семейную жизнь на ссорах и раздражении, — весьма несчастны, так как ссорятся с собой и хворают.

Мнение читателей интересно. Но должны быть какие-то пропорциональные доли, какой-то учет большого количества мнений и средний вывод. А если взять два-три мнения, то можно уничтожить писателя.

В моей тридцатилетней практике еще не было случая, чтобы материал не подчинился моей воле.

«Царапнула взглядом» — это удивительно характерно. Это увеличенное обновление старых слов. Слова — посмотрела, взглянула — устарели. И не вызывают у нас ярких представлений. «Царапнула взглядом» — заставляет по-иному взглянуть.

Ум и талант оставляют писателя, если он лжет.

Рисунки М. Шестопала

ТОМ ДЖОНС

12

Англия

Хмурый, серым воскресным днем две женщины томились на перроне. Они рвались в Лондон.

— Не правда ли, когда его долго не видишь, появляется ощущение подавленности? — спросила одна из женщин.

— О да, в прошлом году я проделала путь в полторы тысячи миль, следуя за ним в его турне, — сказала другая.

Несколько часов спустя обе они стояли в заполнившей телевизионную студию толпе восторженных поклонниц и поклонников (последних было много меньше) и стонали.

— Пожалуйста, Том, дай нам свой носовой платок. Автограф, Том, умоляем, автограф!

Высокий, крепкий, складный парень, скрывая заученной улыбкой откровенное страдание, бросал толпе платок, писал бесчисленные автографы.

Пять лет назад уэльсец Томас Джон Вудворт работал на стройке подсобным каменщиком: замешивал раствор, таскал кирпич, копал землю. Пятнадцать фунтов в неделю и никаких перспектив, старики родители, двое детишек и проблемы, проблемы... Он все равно пел — на работе, по пути домой, помогая жене управляться с хозяйством. Когда его песни принесли деньги, он изумился. Ему казалось (да и сейчас он втайне в этом убежден), что пение — удовольствие. За что же тут платить?.. Вот вставать в пять утра, а потом целый день рубить киркой мерзлую землю — это да, это стоит денег, много больше пятнадцати фунтов в неделю.

Вокруг него многое изменилось. Томас Джон Вудворт стал Томом Джонсом, пятнадцать фунтов в неделю — миллионами, загребаемыми телевизионными магнатами и фабрикантами пластинок. Не изменился только этот рабочий парень с чуть застенчивой улыбкой и сильным голосом. Он, как и раньше, больше всего на свете любит петь, обожает своих старинов, души не чает в детях. Он так и не привык ни к славе, ни к солидным матронам, которым непременно нужен его автограф.

В. КОБЫШ
Лондон

Цена 1 руб.